

Н. А. Фатеева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
nafata@rambler.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИДИОСТИЛЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО¹

Существует много способов описания идиостилей, выбор которых зависит от особенностей самой творческой системы поэта или писателя. Мы хотим на примере индивидуального стиля Ф. М. Достоевского продемонстрировать несколько способов таких описаний.

Прежде всего дадим определение идиостиля. Идиостиль – это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих текстах авторский способ языкового выражения и стиль его мышления. От идиолекта идиостиль отличается тем, что под идиолектом определенного автора понимается вся совокупность созданных им текстов в исходной хронологической последовательности (или последовательности, санкционированной самим автором, если тексты подвергались переработке). Под идиостилем же понимается совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определенного автора, которые определили появление этих текстов именно в такой последовательности. Согласно В. П. Григорьеву, переход от идиолекта к идиостилю связан с приписыванием идиостилю глубинных взаимосвязанных целевых установок автора, выработанных вследствие явной и неявной рефлексии над языком [Григорьев 1989].

Таким образом, целостная система идиостиля создается «вследствие применения своеобразных принципов отбора, комбинирования и мотивированного использования элементов языка» [Пищальникова 1992, 20-21], что обуславливает характерную частотность использования автором тех или иных языковых средств. Это в свою очередь делает возможным применить при исследовании идиостиля и идиолекта функционально-доминантный подход. В работах С. Т. Золяна, развивающих этот подход, доминанта понимается как «фактор текста и характеристика стиля, изменяющая обычные функциональные отношения между элементами и единицами текста. <...> Предполагается, что поэтический идиолект может быть описан как система связанных между собой доминант и их функциональных областей» [Золян 1989].

В этом аспекте можно выделить следующие подходы к изучению идиостиля Достоевского: 1) лингвистический (изучение языковых единиц и конструкций, характерных для писателя и отражающих художественную организацию его текстов); 2) лексикографический (создание целой серии словарей, ведущую роль в которой занимает Идиоглоссарий, а также

---

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста».

статистических словарей); 3) когнитивный (определяющий основные концепты идиостиля автора, а также выделяющий особенности моделирования его языковой картины мира); 4) художественно-изобразительный (сосредоточивающийся на реалиях и деталях внешнего мира – костюма, портрета и т. п.).

В рамках лингвистического подхода (в работах Н. Д. Арутюновой, Ю. Н. Караулова, И. В. Ружицкого, В. И. Муминова и др.) выявлены основные характерные языковые особенности стиля Достоевского, которые оказываются взаимосвязанными друг с другом. К их числу относятся:

1) средства выражения неопределенности в тексте (неопределенные *-то* местоимения, прилагательные и наречия с семантикой невыявленной причины: *странный, странно, необъяснимый, негаданный* и др., конструкции, в которых одновременно отражено действие и его отрицание): *Тут, очевидно, было что-то другое, подразумевалась какая-то душевная и сердечная бурда, – что-то вроде какого-то романического негодования Бог знает на кого и за что, какого-то ненасытимого чувства презрения... одним словом, что-то в высшей степени смешное и недозволенное ... («Идиот»); О, много, много вынес он ... и негаданного, и неслыханного, и неожиданного! («Идиот»); Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен: иной раз слушал и не слушал, глядел и не глядел, смеялся и подчас сам не знал и не понимал, чему смеялся («Идиот»).*

Внедрение в текст таких единиц и конструкций позволяет автору создать впечатление таинственной нестабильности, непостижимости.

2) средства создания кажимости (*как бы, как будто, словно, точно, вроде, похоже, кажется, чудится*), также получающие значения неопределенности, недосказанности, приблизительности, предположения, сомнения и др., что дает возможность Достоевскому широко использовать данные языковые средства в качестве выражения некой таинственной силы, управляющей судьбой человека. В то же время, как отметила Н. Д. Арутюнова, смыслы, вносимые частицей *как бы* и другие средства создания неопределенности имеют тенденцию к совместной встречаемости [Арутюнова 1996, 61-62], ср.: [Смердяков] *как бы с трудом ворочал языком и ... как-то грузно ворочая языком, проговорил мужик («Братья Карамазовы»), [Алеша] Но говорил он как бы вне себя, как бы не своей волей, повинясь какому-то непреодолимому велению («Братья Карамазовы»); со всеми произошло как бы нечто очень странное: ничего не случилось, и как будто в то же время и очень много случилось («Идиот»).*

3) предрасположенность Достоевского к устранению агенса из субъектной позиции, что указывает на неуправляемость действия и его подчиненность внешней силе: *Ему как бы хотелось разгадать что-то... поразившее его... («Идиот»); Ему вдруг пришлось сознательно поймать себя на одном занятии ... («Идиот»).* В то же время в целях усиления данной тенденции в роли подлежащего может выступать «существительное, выражающее отвлеченное понятие (мысль, желание, идея и т.п.). При этом действие, выраженное личным глаголом, имеет метафорическое значение. В этих условиях личная конструкция становится семантически адекватной безличной» [Сими́на 1957,

147], ср.: *Чрезвычайное, неотразимое желание... вдруг оцепенили всю его волю... мучительное любопытство соблазняло его. Одна новая, внезапная идея пришла ему в голову...*(«Идиот»); *С того вечера он здесь не был и мимо не проходил. Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его* («Преступление и наказание»). Таким образом, с помощью таких конструкций Достоевский указывает, что существуют непостижимые силы, которые фатально управляют героями.

4) знаки чрезмерности (слова, обозначающие высокую степень проявления признака, интенсивность действия: *ужасно, чрезвычайно, совершенно, неистово* и т.п., включая аномальные сочетания с интенсификаторами и тавтологии (см. [Шарапова 2018]); ср.: *Неизмеримая злоба овладела Ганей и бешенство его прорвалось без всякого удержу* («Идиот»), *Князь глубоко удивился, что такое совершенно личное дело его уже успело так сильно всех здесь заинтересовать* («Идиот»); *Он [Раскольников] очень хорошо знал, он отлично хорошо знал, что они, в это мгновение, уже в квартире, что очень удивились, видя, что она отперта, тогда как сейчас была заперта...* («Преступление и наказание»). Исследователи считают, что эмоции и чувства героев у Достоевского специально гиперболизированы, однако все же выражены так, чтобы не нарушить полностью правдоподобие повествования.

В рамках лексикографического подхода создается «Словарь языка Достоевского», который задуман как серия словарей – идиоглоссарий, частотный, топонимов, дискурсивных слов, фразеологизмов и др. Они с максимальной полнотой должны отразить идиолект и мир писателя. Основой серии является «Идиоглоссарий», включающий не все слова авторского языка, а только ключевые – идиоглоссы, характеризующие авторский идиостиль. При представлении идиоглосс в качестве иллюстративного материала используются примеры из разных жанров и разных периодов творчества Достоевского. По мысли создателей словаря (Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга), словарная статья структурируется таким образом, чтобы в ней отражались особенности языковой личности писателя.

Создан также «Статистический словарь языка Достоевского» [Шайкевич и др. 2003], в таблицах лексика Ф. М. Достоевского представлена в распределении по основным жанрам и периодам творчества. На основании словаря, например, становится явным, что с учетом всех жанров у Достоевского наиболее частотны глаголы *быть, знать, говорить, мочь, сказать, хотеть, думать, стать, видеть, писать, любить* и существительные *друг, человек, слово, время, день, рука, письмо, князь, деньги*, в то время как для художественных произведений – глаголы *быть, знать, говорить, мочь, сказать, хотеть, стать, видеть, думать, любить* и существительные *человек, князь, рука, слово, время, глаза, минута*.

В рамках когнитивного анализа становится очевидным, что и лингвистический анализ и лексикографическое представление выявляют особенности языковой картины мира писателя и определяют стиль его мышления. Однако наиболее эксплицитно когнитивный анализ проявляет себя при изучении концептов. Мы рассмотрим две работы, посвященные полярным

концептам Достоевского – ТОСКА [Бокова 2014] и СМЕХ [Ружицкий 2017], причем вторая работа рассматривает этот концепт, или точнее – идиоглоссу, «глазами лексикографа». По мнению О. А. Боковой, ТОСКА не только национально-специфический концепт, что отражено в работах Ю. С. Степанова и А. Д. Шмелева, но и индивидуально-авторский концепт Ф. М. Достоевского. Такой вывод автор делает, проанализировав словоупотребление лексемы «тоска» во всех романах «Великого Пятикнижия». К тоскующим героям у Достоевского относятся Родион Раскольников, Иван Карамазов, Андрей Петрович Версиков, Николай Ставрогин. Особой силой отличается тоска в романе «Преступление и наказание», предполагающая безысходность (*Какая-то особенная тоска начала сказываться ему в последнее время. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вечность на «аршине пространства»*), и в романе «Братья Карамазовы», когда Ивана настигает нестерпимая тоска: *на него напала вдруг тоска нестерпимая и, главное, с каждым шагом, по мере приближения к дому, все более и более нарастающая*.

Что касается СМЕХА, то И. В. Ружицкий приходит к выводу, что героям Достоевского присущ не только «болезненный смех», который встречается в «Преступлении и наказании», «Идиоте» и «Братьях Карамазовых», но и «радостный смех», круг которого у Достоевского гораздо шире.

В рамках художественно-изобразительного подхода изучаются значимые реалии в мире Достоевского: портретные описания, сквозь призму которых проступают мотивы поступков героев [Булгакова, Седельникова 2015], а также детали костюмов героев [Писарева 2017]. Последнее определяет, что «вещный мир в произведениях писателя не только присутствует, но и занимает особое место в текстовой реальности автора» [Писарева 2017, 180].

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 61–90.

Бокова О. А. Концепт «тоска» в идиостиле Ф. М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 35–37.

Булгакова Н. О., Седельникова О. В. Портрет Ставрогина: к вопросу об особенностях идиостиля Ф. М. Достоевского в романе «Бесы» // Вестник науки Сибири. 2015. Спецвыпуск (15). С. 235–239.

Григорьев В. П. «Очерки истории языка русской поэзии XX века»: Основные задачи, проблемы и перспективы // Язык русской поэзии XX века (сб. науч. трудов). М., 1989. С. 4–12.

Золян С. Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля // Язык русской поэзии XX века. Сб. научн. тр. М., 1989. С. 238–259.

Караулов Ю. Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. М., 2014. С. 20–34.

Муминов В. И. Особенности употребления классификаторов неопределенности признака в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология 2016. Т. 26, вып. 6. С. 25–30.

Писарева К. В. Поэтика детали в романах Ф. М. Достоевского 1860–80-х годов: гардероб действующих лиц: дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2017.

Пицальникова В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул, 1992.

Ружицкий И. В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М., 2015.

Ружицкий И. В. «Смех» Достоевского глазами лексикографа // STERHANOS. 2017. № 6 (26). С. 37–48.

Симина Г. Я. Из наблюдений над языком и стилем романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Изучение языка писателя. Л., 1957. С. 105–157.

Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003.

Шарапова Е. В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.